

СОВРЕМЕНИК

НОВИНКИ • СОВРЕМЕНИКА •

СЕРГЕЙ ОРЛОВ
ВЕРНОСТЬ

СЕРГЕЙ ОРЛОВ

Верность

НОВИНКИ СОВРЕМЕННОГО

Сергей Орлов

Верность

Стихи

«Современник»
Москва. 1973

РЭ
066

Орлов Сергей Сергеевич

0 66

Верность. Стихи. М.,
«Современник», 1973
80с. («Новинки «Современника»)

Книга поэта, навеянная воспоминаниями о войне, воспевае жизнь, защищенную его поколением, людей, природу родного Вологодского края, утверждает верность солдатским человеческим традициям.

0 0742-111 80 73
106(03)-73

Р2

Зарницы

Ровесникам

Опять придвинулись
И не дают вздохнуть
Года, которые мне были как награда.
В них просто умереть,
Как в небеса взглянуть.
А жить не просто,
Если жить как надо.
Я думал там,
Когда домой вернусь,
Забуду их и все начну сначала.
Поверю в радость,
Тишину и грусть.
И будет мне,
Как прежде, горя мало.
Но вновь придвинулись
И не дают вздохнуть
Года, как поле снежное с колючкой ржавой.
Люк закрываю,
Выбираю путь.
И никакого дела нет до славы.
Не шутки шутим —
На земле живем.
Ее железом били,
Кровью мыли.
И неужели мы с нее уйдем,
Как травы, без следа,
И станем пылью?
Что травы — да.

Что станем — тоже да.
Но в нас витал
Свободы грозный гений.
Мы шли, освобождая города
И поднимая нации с коленей.
...За пятьдесят товарищам моим.
Им некуда от времени деваться,
Лысеющим, стареющим, седым.
А мне все кажется,
Что им по двадцать.
Гляжу на них и вижу те года,
Где шли они
Во всей красе и силе,
Когда была Россия молода
И судьбами се
Они вершили.
Там в кирзовых планшетах
Вся она
Лежала поквadratно на двухверетках,
Коричнева, желта и зелена,
Им во владенье отдана
По гореткам.
Что гореть ее?
Да — глина, да — песок.
Но сталь еще,
И кровь, и пот при этом,
И летний полдень ясен и высок,
Листва шумна,
И птицы свищут с веток.
Лысеющим, стареющим, седым,
С ней всем моим товарищам по двадцать.
Она, как соль
Для хлеба лет и зим,
Что и без нас ведь
Будут парождаться...

Всю ночь за лесом где-то шла гроза.
И мне казалось, что на белом свете
Я молод вновь, как высказать нельзя,
И сплю на фронте в эшелоне третьем.
Возле дороги в травах п лозе,
Раскинув руки, ниц унав неловко,
Я сплю один, похоронив друзей.
Полк отвели на переформировку.
Горят на горизонте города,
Кричат дороги, пыль белей известки,
А мне не будет в жизни никогда
Спокойней, чем на этом перекрестке.
Как будто в древней песне — позади
Уже Россия за холмами где-то.
И на плече моем, присев, сидит,
Как на холме, птенец, теплом согретый.
Меня не будит ни орудий рев,
Ни марш пехоты, проходящей мимо.
Высокий день встает из-за холмов,
И солнце раздвигает клубы дыма
Из-за холмов, из-за моей спины,
Покрытой солью белой гимнастерки.
Кончается четвертый год войны,
И где-то дребезжат окошка створки.
А это все за лесом шла гроза,
Гром полыхал, и падали зарницы.
Слезами застилали мне глаза
Друзей погибших молодые лица,

Была душа тревогою полна,
Забывшие сильнее болели раны,
И вспыхивала белая степь,
Печатавшая перекрестье рамы.
На горизонте вновь стоял пожар,
Крича летели испуганные птицы,
А я один, я без оружия, стар,
И даже пальцем не пошевелиться...

Мы говорим, задумываясь редко,
Что время беспощадное течет.
Как на войне, — с кем бы пошел в разведку?—
А думать надо: кто с тобой поидет?

Да, так и было. Встанешь с автоматом,
Кисет за пазуху — и на парод.
И говорилось: — Кто со мной, ребята? —
И добавлялось: — Два шага вперед...

Все меньше, меньше остается рядом
Товарищей хороших и друзей
Не потому, что падают снаряды
Давно на территории твоей.

Скорей всего, что ты не тот, который,
Когда-то был, и в этом вся беда.
Металл заржавел, порастрачен порох,
И незачем ссылаться на года.

Крутые горки укатали сивку —
Не поговорка, мука — поделом.
Ах, не в разведку, в юность на побывку,
И запастись бы верой и теплом.

Тогда бы можно и не хитровато:
— С кем я пошел бы? — молвить в свой черед.
А очень просто: — Кто со мной, ребята? —
И помолчать. И два шага вперед...

Что было, то было. И все же
Забилось, былем поросло.
Былем, ип на что не похожим,
Ко мне обернувшимся зло.

Однако, ни в чем не изверясь,
Встречая вчерашних друзей,
Иду, как по жердочке, через
Болотный глубокий ручей.

Курю на ветру сигареты,
Веселые сыплю слова,
Встречаю с надеждой рассветы
И знаю, что правда права.

Вот только нежданно заляжется
Вдруг сердце тоской на ходу
По ржавому, в минах болотцу
В глухом сорок третьем году...

Стоят в европейских державах неблизких
И рядом с Россией, на Висле и Влтаве,
С армейскою алой звездой обелиски,
Которые год сорок пятый оставил.
Ах, год сорок пятый, великий и святой!
От щедрого сердца, не требуя платы,
Свободу и счастье дарили солдаты,
А сами ложились под холмик горбатый.
А годы меняет земля, как обновы.
А время все мирное длится с рассвета.
Четыреста лет не бывало такого
Периода мира в Европе, как этот.
Четыреста лет не бывало ни неба,
Ни солнца такого на Влтаве и Висле.
И белыми сделались ленточки крена,
И темными стали с звездой обелиски.
Гремит на бетонных дорогах музыка,
Неонные зори сияют влюбленным,
На зимних курортах смешенье языков,
Под флагами наций режут стадионы.
Все правильно!
Так и хотелось тогда
Идущим до Шпрее, до Вислы, до Влтавы,
Чтоб мир нерушимый сошел на державы,
Где шли они, с боем беря города.
Такого они сокрушили врага,
Такую победу их сталь утвердила,
Что ями оплачены даже снега,
Которые их покрывают могилы!..

Воспоминание о тыле

Однажды зимой в сорок третьем
Судьба фронтовая моя,
Как будто наградой отметив,
Закинула в наши края.
В ремнях, в полушубке дубленом
Мне был и мороз — не мороз,
С пайком на неделю законным,
Что выдал румяный пачхоз.
Мне письма из дома писали:
«Живем мы неплохо, сынок...»
Я знал, что не так, но из дали
Представить всю правду не мог.
И, спрыгнув на станции Тихвин
С платформы состава пустой,
В вокзале полуночно-тихом
Я встретился с правдой самой.
В изношенном слящем вокзале
И в кружку набрал кипяток
И пахнувший хлебом и салом
Тугой развязал вещмешок.
И я бы поел, только тотчас
Почувствовал, севши к столу:
Две женщины, с матерью дочка,
Проснулись в недалеком углу.
Как на золотистое чудо
В багровой солдатской руке,
Они загляделись оттуда
В стыдливой и скорбной тоске

На хлеб, две проезжих хозяйки,
Что сами его и пекли
Для фронта в тылу. Без утайки,
Как только они и могли.
Давно это было, а было...
Стал в горле кусок поперек,
Когда вдруг одна попросила:
«Продайте нам хлеба, сынок...»
Продайте, отнюдь не подайте...
Еще не стара, молода...
Иначе не скажешь, — хозяйка...
Сама высока и горда.
Я слов благодарных не слушал
С росинками радостных слез,
Оставил недопитой кружку
И выскочил в ночь на мороз.

Здравствуй, юность танкистская!
До отбоя с подъема,
Где с тобой мы дружили и жили, как дома,
В грозном царстве газойля, металла и грома
Не бывал я давно на твоих танкодромах.
Тихо светятся лампы контрольные раций
У тебя в огневом броневом батальоне,
Маслянистые молнии в башнях хранятся,
Строгий холод брони ощущают ладони.
Над тобой проплывает, в багрец разодета,
Осень мирной державы, светла и нарядна,
Маутинками тонкими бабьего лета,
Дальней песней в просторах полей неоглядных.
Над тобою не плещет ревущее пламя,
Пред тобою спокойные горы и доли,
Журавли в небесах тебе машут крылами,
Вот стоишь ты, безусая, люк откинув тяжелый.
Знамя в штабе твоём зачехленным хранится.
На линейке хрустит утрамбованный гравий.
Но ты стала наследницей древних традиций
И навеки причастной к немеркнущей славе.
В честь твою салютует сегодня столица,
Небеса как костер полыхают багряный.
И, летая истории нашей страницы,
Вспоминают далекие дни ветераны.
Здравствуй, юность танкистская, верная долгу,
На ревущих, на мирных своих танкодромах,
В травах осени росами грузно наволглых,
В грозном царстве газойля, металла и грома!

*

В дождь к параду готовится почью Москва.
Мимо спящих кварталов в асфальте зеркальном
На пневматике, в шлемах и кирзе войска
Озаряются волнами света и сталью.
Проплывают тяжелые стрелы ракет.
Только сталь и моторы из-за поворота.
И пожалуй, одни огоньки сигарет
Вдруг напомнят на марше старшим пехоту!
Ту, что нет и в помине, но, значит, жива,
Раз в свистящей резине и в реве металла,
Завернула с цигаркой кулак в рукава,
Но привычке дымит, как бывало,
Совершая ночной перед боем бросок,
Сапогами вздымая пудовую глину,
Разбивая камень, как стекла в песок,
Так, что искры цигарок к Берлину.
Спит Москва под звенящею кровлей дождя.
Крепок сон этажей неоглядных.
И, как мирные громы, с дождем проходя,
В ней войска громяют, готовясь к параду.

*

В ранней юности, в дальней были,
Не умевших еще любить,
Пас окапываться учили
И траншеи учили рыть.
Старшина не давал поблажки,
Над душой стоял — не ленись,
Без команды не пей из фляжки —
Так у нас начиналась жизнь.
Крепче в землю вожмись и вройся,
Белый бруствер укрой травой,
А потом ничего не бойся, —
Ты с землей, и она с тобой.
Та наука до пота и дрожи.
А потом на весь свет война.
Был большим оптимистом все же
Обучавший нас старшина.
Но опять его вспоминаю,
Я не вспомнил бы без нужды,
И причина тому иная,
Да не скажешь ей «подожди».
По годам я давно уж маршал,
А судьбой навсегда солдат.
Трудно в землю врываться с марша,
Но нельзя отходить назад.

Я ее вспоминаю снова
В полушубке солдатском, в каске,
В сапогах пудовых кирзовых,
В давней были, как будто в сказке.
Мины падали, снег сметая,
Обнажая до дна болото.
Кровью на снегу залитая
Залегла — не встает — пехота.
Ткнувшись в снег головой неловко
Ни назад, ни вперед ни шагу.
За убитыми, как за бровкой,
Поле ровное, как бумага.
И горит там после атаки,
За деревней Гора у леса
Наша рота, все наши танки,
На газойле горит железо.
А она мне встала навстречу,
Головою ткнулась подмышку
И свои подставила плечи,
Ты держись, говорит, братишка.
Ты держись. И скинула каску,
И пошли мы по полю с нею,
С нею, тоненькой и глазастой,
Нос веснушками весь усеян.
Про таких говорят заглазно,
Что ни кожи, ни рожи нету.
Шла она в снегу непролазном
От кювета и до кювета

Там, где пели пули и мины,
До деревни Гора к танкистам,
Да еще подставляя спину,
Да еще твердила — держись ты.
А потом она парабеллум
У меня взяла осторожно,
К рукоятке его прикипела,
Как перчатка, — с ладони кожа.
Ностояла возле носилок
И ушла к пехоте без слова.
Это в сорок четвертом было
У деревни Гора под Псковом.

Конь плакал. Падала звезда.
Летели птицы в глубь заката.
И шли неведомо куда
Себя забывшие солдаты.

Мир стал похож на водоем,
В нем, словно водоросли, мысли
Струились неживым огнем
И тучами печально висли.

Но где-то все-таки была
Граница воздуха и света,
Тончайшая, как гладь стекла,
День накрывающая этот.

Еще рывок, еще бросок,
И можно будет, можно будет
Пробить его наискосок
И, вынырнув, вздохнуть всей грудью.

На ученье

Летит, клубясь, над танкодромом
Газойля дым в начале дня,
Где в сталь закованные громы
Стоят на линии огня.
Сейчас упругие затворы
Взрывная отведет волна,
Мелькнет в прицелах дот, пригорок,
Как будто там сама война.
Ее сейчас на том пригорке
Сомнет тяжелая броня.
Летят в дыму «тридцатьчетверки»,
Встают, ревя, столбы огня.
Сосредоточенны солдаты,
Ведь им уже давно слышны
Бомбежек тяжкие раскаты
Из дальней маленькой страны.
Проходят в небе строем «ИЛы»,
Молчат солдаты у машин,
И это есть молчанье силы,
Которая брала Берлин.

**Белое
озеро**

Вступление к сказке

Вечер небо за окнами вызвездил,
Небо сыплет синими искрами,
Месяц землю посылал известью,
Будто город только что выстроенный.

Огонек, словно нос утиный
В лампе-луковице стеклянной.
Он да я, да сказка старинная —
Трое в горнице деревянной.

Сказка ходит в дорогу одетая,
По сверкающим половицам,
Вы запомните сказку эту, и
Эта сказка вам пригодится.

Про жар-птицу она известная,
Есть на свете река зареница,
Как охапки огня чудесного
Там проносят хвосты жар-птицы.

Чуден свет этих перьев, чуден,
Как от солнца от лучезарного.
Просто диву даются люди,
Не дается им только жар его.

Вот поймать бы, мечтают люди,
Посадить бы в светлицу птицу,
Чтоб при этом пречудном чуде
Жить в веселье им и трудиться.

Пить чай с малиной, смородиной,
С молоком топленным, с ватрушкой,
А откуда та сказка родиной —
Я тебе расскажу,
Ты слушай.

На севере

Какие ветры ходом здесь прошли,
Срывая кровли и круша каменья.
Алели долго па груди земли
Одни остатки кладок, как раненья.
Леса редели. Заросли росли
Кустарника в полях — где ни попало,
Сыны взошли в иных краях, вдали,
Как семена, что ветром разметало.
А здесь — болото, глина да подзол,
Да лишь о предках праведная память.
Но рожь всходила, лен неспешно цвел,
И шли плоты по рекам с костерками.
Знать, не сорвало, вдаль не унесло
Того, кто в берег вросся, как ракета,
Кто оставался парусом, веслом,
Избой и пашней, песней позабытой,
Всем бурям и ветрам наперекор.
И вот, как будто не было и было,
Звонит топор, пыхтит дымком мотор,
Смолою пахнут белые стропила.
Над крышами двадцатый век занес
Уже и здесь свои телеантенны.
А на лугах заречных сенокос,
И тишина вокруг благословенна.
Лениво над рекой звонит осот,
Стрекозы пляшут синие над нею.
Она куда-то облака песет,
То вся светлея разом, то темнея.

В реку глядится с берега посад,
И на пригорке, темнолиц и светел,
Стоит мужик, сам черт ему не брат,
У ног его улегея в травы ветер.

За рекой-рекою в зареке,
Возле самого села,
Под вечер и в утра зареве
Песня запросто жила.

Неожиданно запетая
Миг назад, а может, век,
Словно дождь весенний, светлая,
Легкая, как первый снег.

Словно конь буланый в яблоках
На лугу в тени берез,
В радуге она жила-была,
В перезвоне ранних рос.

Я за ней ходил, обхаживал,
Услыхав издалека,
Знал и помнил слово каждое,
Да не выдалась строка.

Пролетела беззаветная,
И теперь сквозь все года
Не забуду песню эту я
И не вспомню никогда.

Белозерск

В июне 1972 года праздновали
1110 лет Белозерску

С размаху ахал барабан,
Труба пронзительно дудела.
У городка была судьба,
И в пей, как видно, было дело.
Судьба.
Одиннадцать веков.
Считай, не сосчитаешь годы,
Как цокот воинских подков,
И скрип телег неблагородный.
На свете не было Москвы
С ее державными делами,
А он уже «ходил на вы»,
Светил по свету куполами.
С его районной типшиной
Никто не станет нынче спорить.
Но, деревянный и льняной,
Он помнит тысячу историй.
Поет оркестр, кумач зовет, —
Как видно, не отшибло память.
Неунывающий народ
Идет, как в сказке, сам с усами.
Букеты синих васильков
Цветут на площади, как в поле.
Глядят одиннадцать веков
Вниз с уцелевших колоколен,
На огородах сизый дым,
На город в крапинках ремонта
И щит серебряный над ним —
На озеро до горизонта.

Старая фреска

Повстречались мы на заре
Белой ночью в веке двадцатом,
На кольчужном их серебре
След зари блестел розоватый.
Копья, словно солнца лучи,
Были в их ладонях зажаты,
А у бедер остры мечи
И щиты у плечей покатых.
Лица юны, добры, строги,
И ни злобы в них, ни печали,
Будто их на пути враги
Смертью лютою не встречали.
Будто виделся им другой
Мир прекрасный в подлунном лоне.
Белой радугой-дугой
Тонконогие гнулись кони.
Перезванивали стремсна,
Цела в облаке птаха где-то.
И ни дали, ни времена
Были здесь ни при чем при этом.
Молвь людская и конский дых
Плыли в белом льняном просторе,
И застыл я, смирен и тих,
На вечерней заре в притворе.
И стоял я, видя не храм,
Где-то лес палило пожаром,
Города по крутым холмам
Купола вздымали к стожарам.

Сосны в кронах качали дожди,
Солиде в синих катилось высях.
Голос был мне. Он звал: входи,
Это я зову, Дионисий.

Мополог воина с поля Куликова

...Лежат князи Белозерски,
вкупе побиты суть...

*Сказание
о Мамасвом побоище*

Их четырнадцать было князей белозерских,
Я пятнадцатый с ними,
Вот стрелой пробитое сердце
И мое забытое имя.
И стою я в полку засадном
Вольный воин, как терний сильный.
Сотоварищи мои рядом,
Нет у только еще России.
Нет России с песней державной
С моря синя до моря синя.
Ни тесовой, ни златоглавой
Нет еще на земле России.
Есть земель вековая обида,
Есть рабы, восставшие к мести:
Чем так жить — лучше быть убиту.
А для нас это дело чести.
Все сомнут мохнатые кони,
По степи помчат на аркане.
Но на нас паткнется погоня,
Ну а мы отступать не станем.
Конь мой гривой мотает рыжей,
Прыщут тучей на солнце стрелы,
Кычут коршуны, кружит крыжень,
А какое до них нам дело!
Как орда Мамая качнется,
Как мы ляжем костью на поле, —
Так Россия с нас и начнется
И вовек не кончится боле.

На Белом озере

Вы верите в зеленые дворы?

Сергей Наровчатов

Я по мосткам скрипучим по дощатым
Прошел на лаву и через канал
На озеро, — там, где песок крупчатый
Когда-то белым пламенем пылал.

Там пычке валунов гряда лежала
И с озером мешались облака.
Шагнешь и в небо упадешь, пожалуй,
И камнем каншь в нем наверняка.

По горизонту весь в огнях, как город,
К причалу приближался теплоход,
А рядом двое с тихим разговором,
Девичьи руки белые на взлет.

В камнях сплетались медленные струи,
Звеня копилась в капельки роса,
Рождались тени, длились поцелуи,
Мерещились слова и голоса.

Я слышал, в даях звякали подковы
И воинская плакала труба.
«Да где же это поле Куликово?» —
Звала тревожно девичья мольба.

Ответный голос нлыл по глади водной.
Звучал вблизи, уже во мне почти —
«Да что ты, это конных переходов
Считай не больше двадцати пяти».

Сошлись в ночи и годы и разлуки,
И их не звал, а я их просто знал,
И я был юн и над плечами руки
На берегу в предгрозые разнимал.

И сразу «мессера» над головою,
Трещал прошитый пулями большак,
Гудермана танки под Москвою,
Ростов оставлен, к Волге рвется враг.

Шли эшелоны в зареве багровом.
И где сходились небо и вода,
«Да где же это поле Куликово?» —
Звучало вновь, как в древние года.

И снова две зари передо мною,
Как жизнь пазад, над озсром горят,
Но уж не мы, а эти юных двое
Сейчас прощанье паше повторят.

Огни причала и огни простора
Сближала даль, как две цепочки звезд.
Сном праведника спал в березах город,
А мне в тревоге смутной не спалось.

В камнях сплетались медленные струи,
Звения копилась в капельки роса,
Рождались тени, длились поцелуи,
Мерещились слова и голоса.

Казалось, вдруг сейчас раздастся снова,
Плеснет через разлуки и года:
«Да где же это поле Куликово?»
— Там, где сошлись и небо и вода.

Живым поверка. Павшим слава.
 Салютов гром и тишина.
 Победу празднует держава,
 Надев цветы и ордена.

От маршала и до солдата
 Перед Победой все равны,
 Как были ей равны когда-то
 В день окончания войны.

На площадях и на полянах —
 Повсюду царствует она:
 В дворцах бетонных и стеклянных,
 В избе всего на три окна.

И только мальчики с портретов,
 Как много лет тому назад,
 Не увидавшие Победы,
 Со снимков в траурных багетах
 На матерей одни глядят.

Такой уж день, дела такие —
 Со счастьем боль невпроворот.
 Творец истории России —
 Победу празднует народ.

Кружевницам

За горами, за лесами,
В заповедной стороне,
Где поют в сугробах сани
С подрезами в тишине.
Снегу полная держава,
Вся земля белым-бела.
Там — собором многоглавым
На юру стоит ветла.
Там — дымки из труб, как спицы
В синей выси-вышине.
Звонко цвинькают спицы
На оранжевой сосне.
Из мороза, льда и солища
Выстроены терема.
Белым пламенем в оконца
Смотрит алая зима.
Там полы белы намыты,
Занавески голубы,
Без утайки там открыто,
Между делом вроде бы,
Сказки те, что все на свете
До сих нор как чудо чтут,
В кружевецком сельсовете
Бабы запросто плетут.

Пейзаж

В зеленых травах белая тропинка
Пересекает черное шоссе,
За ним она спускается в низинку,
Кунается в серебряной росе.

Потом идет по красному болоту
Среди осоки, камышей, тресты —
И вдруг выводит словно бы к восходу
Упавшей с неба синей высоты.

И ты встасшь перед большим простором,
Где, как сады, клубятся облака
То розовым, то голубым, то черным,
Подернуты движеньем ветерка.

Там на столбах колеблющихся света
Стоит зеленый берег, бор стоит,
Деревня, дранкой золотой одета,
Плывет куда-то, трубами дымит.

Пад ней лежат кувшинки, стебли спутав,
И лодка, опираясь на весло,
И выводок в нее ныряет уток,
Пока еще не ставших на крыло.

Болото, да лес, да озера,
Да выцветший купол небес.
Деревня взбежит на пригорок,
И снова болото да лес.

Там сплавщик встает над рекою,
Багор занеся, как копьё.
И ветер, не зная покоя,
Старинные песни поет.

Там солнце — в рыбацкие сети —
Запуталось в белую ночь,
И парус трещит на рассвете,
Не в силах волны превозмочь.

Дарил меня первой любовью
И горем и радостью он,
И славой своей, и присловьем —
Всею, чем и богат и силен.

И в нем понимать я учился
Травы и деревьев язык,
В воде и огне окрестился,
К веслу и винтовке привык.

До песни и сказок охочий,
Храпящий и радость и грусть,
Мой северный край. Заволочье.
Моя журавлиная Русь.

**Высокий
день**

Сто лет прошло всего, а не века
С тех пор, когда впервые прозвучала
Мелодия и первая строка
Призывная
«Интернационала».
Версальцев завершающий удар —
Коммуна пала. И уже в подполье
Запел ее безвестный коммунар
С надеждой, с гневом,
С верою и болью.
На свете нет другой еще такой
Мелодии, воспрянул бы с которой
Для мира и для счастья род людской
В семье единой на земных просторах.
Без дирижера и без запевал —
Не потому, что так уж голосисты —
Партийный гимн «Интернационал»
Поют на белом свете коммунисты.
От жарких джунглей
До полярных гор,
Под небесами всеми на планете
Поют, когда закончен разговор
И надо встать за новый день в ответе,
Когда настало время выступать
В поход под пули вражеские где-то,
Когда настало время поднимать
Строительства, плотины и ракеты.
Слыхали гимн гроза и тишина,

Дворцов высоких белые палаты,
Цеха заводов, избы в три окна,
Застенки и глухие казематы.
Когда в Москве, в Кремле,
Поднявшеь с мест,
Плечом к плечу,
Как бы в строю идущем
Партийный гимн поет партийный съезд,
Я думаю о времени грядущем.
Оно придет не с высоты небес.
Оно придет как наших дней наследье.
Строку из гимна ту, что «это есть...»
Сноют однажды: «Это был последний».

Твоя судьба

Какие будут времена?
Пройдут и канут наши годы,
Но ты останешься, страна,
Как откровение народа.
Какие там взойдут хлеба?
Какие выстроят строенья?
Но будет в них твоя судьба
Судом всего и озареньем.
Какою мерою еще
Придут события и числа?
Но солнце над твоим плечом
Пребудет золотым и чистым.
Да, было так, что клином свет.
А как там быть могло иначе?
Не перестать дорог и лет,
Ни слова не переиначить.
Но есть один завет, зарок,
Закон — как их не обозначьте —
Смотреть вперед и думать впрок
О будущем, а не иначе.
И опыт нажитый беречь.
Весь, до былинки, до крушицы...
Все чутче вслушиваюсь в речь,
Все четче вглядываюсь в лица.

Весной

Все предвещает в мире перемены:
Скворец на ветке, радуга в полях,
И жемчуга на ниточке антепшы,
И окна неба в синих облаках.
Все в мире предвещает перемены:
Росток зерна, пробивший пласт земли,
Далекый ливень, лебедь в хлопьях пены,
Грубящие тревогу журавли.
Рев оленей на тундровых угодьях,
И в устьях рек кипящий ход кеты,
И солища с неба кинутые сходни
На синих плесах в зарослях тросты.
И спящих женщин жаркие колени
Полны предвестьем дрожи перемен,
Рожденья жизни, завязи цветенья,
Бессмертного в пожаре тока вен.
Все ожиданьем перемен чревато,
Чревато, даже если не полно.
Леса, поля, рассветы и закаты,
Высь поднебесья и морское дно.
Пусть кто-то по иным приметам судит,
По звону стали и счетам измен,
И думает, что никогда не будет
На всей земле счастливых перемен.

Весна —

Пора любви, рождения.

Ах, эта истина от века.

Сосулька на капель разменяна,

Но льды уже трещат на реках.

Что без весны деревья рослые

И даже малые растенья, —

Они под солнцем и под звездами

Молчат, как призраки и тени.

Весна —

А что она для пахаря?

Протравленная солью пота,

Под небом золотым, распахнутым

Весна —

Тяжелая работа.

До ломоты в костях без роздыха,

До черноты дубленой кожи,

Но без весны он, как без воздуха,

Самим собою быть не может.

Попробуй от утра до вечера

Песка и глины мир ворочать,

Но пахарь ожидает встречи с ней,

Как ждут любви, цветов, пророчеств.

Прекрасен отягченный брашнями

Роскошный август бахарь красный,

Но всю его красу па пашне нам

Весной

Творит из глины мастер.

Он просынается с рассветами,
Минуты в ней не упуская.
Для дела древнего, заветного
Весна
Ему — как мастерская.

Что в мире слаще истины прописных?
Вы приглядитесь, убедитесь сами,
Как их жуют, разжевывают их,
Аж треск стоит по свету за ушами.
И тоже от других не отстаю,
Как булочку поджаристую с хрустом
Разламываю, в рот сую, жую.
А вкусно ли? Да, чтоб ей было пусто,
Преснятина. А в чем же соль была?
Известно всем, что дважды два — четыре,
Но первому, кто это вывел в мире,
Какая радость разум обожгла?!
Ее встречали не в колокола.
Вы вспомните хотя бы про картошку:
Губернии пороли в шомпола,
Но все-таки внедрили понемножку.
Живем не тужим, истины жуем.
Но чтобы соль не пропадала в мире,
Тут надо хоть однажды на своем
Встать, настоять, что дважды два — четыре...

Кто же не знает и кто не видал:
С крыльями мальчик, стрела и лук,
Выстрелил — в чье-то сердце попал,
Сердце любовь озаряет вдруг.

Старая сказка у новых рек,
Только и ныне она близка,
В атомный грозный двадцатый век
Легкой стрелою вошла строка.

Нет в ней ни звона, ни грома нет.
Шорох березы, тишь ивняка,
Но посильнее стальных ракет
Эта сепинская строка.

Пад опереньем ее золотым
Ни радаций, ни пламени нет,
Только один тополиный дым,
Только рябины багряный свет.

Только надежда, радость и грусть —
То, чем на свете жив человек,
Только Россия, Родина, Русь.
Ранен стрелою двадцатый век.

Кто же не знает и кто не видал:
С крыльями мальчик, стрела и лук,
Выстрелил — в чье-то сердце попал,
Сердце любовь озаряет вдруг.

В книгу судеб не внесена,
Летописцами не отмечена
Мать, невеста или жена,
А в сказаньях и песнях — женщина.
Бьют ее за то, что мягка,
Что добра, что глаза как блюдца,
Но она одна на века
Государства и революции.
Не звезда горит, не свеча —
Очи вздрагивают онущены
И младенец спит у плеча —
Мать Ульянова, няня Пушкина,
Как рука с ним сопряжена,
Нет на свете дороже бремени,
Вот несет его в мир она
В бури века и грозы времени.
Страху нет и безверья нет,
Проливается сквозь метели
Милосердия горный свет
Пад землей, как над колыбелью.

Икар и Дедал

Это было, считают,
Еще до Христова рождения даже.
С ног сшибая щитами,
Пробилась к упавшему стража.
Там, где люди в карьерах
Валились и мерли, как падаль,
Где никто еще с верой
В свободу не падал.
Распластались рабы на камнях
Со страху сначала,
Когда в небе весеннем
Икар появился с Дедалом.
Молодой появился Икар
И крылатый.
Солица бронзовый шар
Головой закрывая кудлатой.
Всем лежащим у скал,
Как сардины на блюде,
Сверху он прокричал —
Встаньте, люди!
Но крыло подвернулось
Под солнечным бризом,
По земля покачнулась
И ринулась снизу.
Кровь смешалась с песком,
Закружились какие-то перья
Он был всем им знаком,
Каждый в крылья поверил.

Не египетский бог возле скал
На земле распроклятой,
Раб. Фракиец. Икар
Умирал человеком крылатым.
Мысль пронзила навек
Даже ту оробевшую стражу.
— Сможет все человек,
Став крылатым однажды... —
А Дедал?
Что Дедал?
Улетел. О Дедале забыли:
Ведь никто не видал,
Да, никто не видал
Его крылья...

Доколе терпеть сии муки?
До самые смерти, Марковна.
Ино побредем еще...

Протопоп Аввакум

Ах, этот протопоп опальный,
Фанатик, еретик, крикун,
Известный на Руси скандально, —
Ну да, конечно, Аввакум.
Чего достиг он обличеньем
И потрясением основ,
Путем бессмысленных речений
При помощи никчемных слов?
И нищ и наг, гоним по свету,
Взывая к совести, ну в ком
Он пробудил ее, при этом
У тех, кто был его врагом?
И кто раскаивался в мерзкой
Лжи? Ну хотя б на краткий миг,
Когда он в яме в Пустозерске
Костью костил земных владык.
И нет иных, и те далече.
Но что бы стало, если б вдруг
Они его прониклись речью
И все покаялись вокруг?
Случись такое, словно в сказке,
В какой лишь правда и права,
Давно пропали б без огласки,
Как без нужды его слова.
А так из уст в уста и книги
Все будут, ложь пока жива,
Грохочущие, как вериги,
Звучать скапдальные слова.

И даже эти, с тихой болью,
Но несравнимые ни с чем
— Терпеть мучения доколе?
— И — ипо побредем еще...

Сарьян

Не о чужих заморских странах,
Им всем привет, всем исполать!
И об Армении Сарьяна,
Где мне случилось побывать.
Там в деревянном мезонине
Сидит седой старик в углу,
Стоит картина на картине,
Лежат картины на полу.
Пчела по комнате летает,
Слегка кружится голова,
То красная, то золотая
Земля, и синь, и синева.
И я меж них, как бы по тронке,
На эти глядя чудеса,
Иду внимательно и робко,
Чтоб не сорваться в небеса.
В туманном граде Ленинграде,
Когда на выставках бывал,
И, на его картины глядя,
Не очень краскам доверял.
И вдруг армянская столица
И за окошком Арарат.
В картину можно оступиться,
И будешь сам себе не рад.
Прощай, искусства и науки,
Меня сгубила бирюза...
Большие плотницкие руки,
Прямые цепкие глаза.

Что знал я раньше о Сарьяне?
Ко мне неторопливо встал,
Весь солнцем обожжен, крестьянин
Среди своих долин и скал.
И стало все легко и просто,
Здесь не библейские поля —
Его сады, озера, звезды,
Им сотворенная земля.
Трудился, рук не покладая,
Был у него на это срок,
И так же в этот час, когда я
К нему переступил порог,
Уже уверен без опаски,
Что правда все, а не обман,
Как мир, в котором брал он краски,
Художник Мартирос Сарьян.

Весь шар земной устал от той политики,
С которою в единый миг почти
Великие научные открытия '
Его грозят на части разнести.

А пахарь пашет землю без политики
И женщины рожают сыновей,
А вовсе не колесики и винтики
Для планов всех ее и всех затей.

Но вырастают сыновья в воителей,
И льется кровь на травы и на снег,
И добрый хлеб становится политикой,
Когда его хватает не для всех.

Но над земли релейными метелями
Сквозь гром и лязг, наперекор судьбе,
Летит под вечер песня колыбельная
Не дальше окон в рубленой избе.

Вчера, сегодня, словно в дни былинные
И в дни предчувствий атомных тревог
Бесхитростная, тихая, недлинная,
Коротенькая — на один глазок.

Моря стихают голубыми взмахами,
Садится солнце красное в леса.
Над бурями, конфликтами и страхами
Плывет она, пронзая небеса.

**За далями, морями, океанами,
У атомных орудий и ракет,
Плывет над континентами и странами
Наперекор всему, всему в ответ.**

★

Идея. Правда. Мысль или Мечта.
Кто знает, как еще она зовется.
Вокруг привычной жизни суета,
Но вдруг она сама тебя коснется.
Соседи спорят, радио кричит,
Она пришла — и разом все забыто.
Покоя нету от нее в ночи
И нет пути среди дорог избитых.
Тревогой грозной и тоской томим,
О ней поведал вестник бородатый
Взыскующим товарищам своим
И захлебнулся донником и мятой.
В каком году, в какой земле, когда?
Кто был он, тот пастух, солдат, философ?
Мелели реки, гибли города
И шли стада по желтому откосу.
А с ней потом, как с песней, на костер
Всходили люди и в огне молчали.
И языками пламени костел
Пылал над ними в каменной печали.
А может быть, звенел кувшин вина,
Смеялись синеглазые красотки,
И музыкой, нежданна и хмельна,
Она пришла случайно, как находка.
О ней писали золотым пером,
О ней молчали, отыскав в анналах,
И злобно вырубали топором,
И на заре о пей труба кричала.

Как юн и крепок этот вечный хмель —
Он сушит в жилах кровь, как будто ветер.
С ним нелегко. С ним даже дальше цель.
Но без него и счастья нет на свете.

Ласточка в Махачкала

Ласточка в Махачкала
В здании аэродрома,
Средь стекла, бетона, грома
Для птенцов гнездо вила.

В зал влетала, как стрела,
В клюве приносила глину
И гнездо вила, вила
Со сноровкою старинной.

Строила под потолком,
Над людьми, над их заботой
Для птенцов надежный дом —
Делала свою работу.

Зря турбинами рычал
Реактивный век двадцатый:
В нем не гаснул, как свеча,
Этот огонек крылатый.

В царстве стали и стекла
Глины расцветал комочек,
Жил —
Его лепила прочно
Ласточка в Махачкала.

Раковина залива Ха Лонг

Медлительный и молчаливый
Рыбак поднес ее к губам,
Как белый рог, и над заливом
Запел зарокотал Вьетнам.
Призывный звук, тревожный звук,
Летающий к небу, к солнцу, к скалам.
— Возьми ее на память, друг,
И звук возьми с собой, — сказал он.
Плясала джонка на волне,
Звенел в заплатках парус рыжий,
Ворчал прибой на пляжах ближних,
И пели птицы в душу мне.
И незнакомые деревья,
Как ливни рокоты несли,
И били в барабан деревни,
И в слюдяных полях вдали
Вздыхали буйволы на межах
Огромные, как валуны.
И ветер белых побережий
Нес всплески бурь и тишины.
Я все увез в Россию в ней,
Закрученной на совесть круто,
Облитой жарким перламутром
Больших тропических морей.
И только к уху подниму,
Неутихающий упрямый
Я слышу дальний гул Вьетнама
В России у себя в дому.

Стихи о дальней дороге

Ноги пухли от полета,
Огибал я шар земной,
Ангелы аэрофлота
Наклонялись надо мной.
Предлагали мне тянучки,
Водку, ножку петуха.
В небе не было ни тучки
Расстоянья — чепуха.
Вся земля внизу качалась,
Никаких на ней границ,
И сидел я без печали,
Глядя в небе сверху вниз.
Как господь глядел с престола
Или как Иван-дурак,
Начиная с полшестого
Утра скинувшего мрак.
Города внизу лежали,
Реки струйками текли,
Люди там внизу сражались,
Строили, хлеба пекли.
Сочиняли триолеты
Без зазренья на друзей.
Но пустой была планета
Сверху, словно бы музей.
Глиняная, будто черный
Старый в трещинах горшок,
Ни души на ней, к прискорбыю,
Сверху я узреть не мог.

Были только очертанья
Их труда за все века
Городов и пашен в плане,
Видимом издаലെка.
Остальное затерялось,
Измельчало, словно мышь, —
Что большим внизу казалось,
Сверху и не разглядишь.
Ни дворцов, ни монументов,
Только пашни и сады,
Да дорог прямые ленты,
Да плотины у воды.
Думал я, вернусь и буду
После этой высоты
Философски, словно будда,
К мелочам земной тщеты
Относиться после этой
Трасктории в выси,
Охватившей полпласты
Лайнером на небеси.
Но сосед, храпевший сбоку,
В бок толкнул меня локтем.
Ангел флота синсокий
Вдруг назвал меня отцом.
Он зевнул, взглянул со скукой,
Как в трамвае на меня,
И поблек небесный купол,
Синий в середине дня...

В каменной, стальной глуши,
В аэропортах столичных
Кофе по ночам глушил,
Сигареты жег привычно.

Всюду с ревом города
На земле зимой и летом
Низвергались в никуда,
Словно водопады света.

Не было ни зим, ни лет,
Были тропики и холод,
Снег и пальмы. Белый свет
Мчался, как волчок веселый.

Но однажды на краю
Взлетной полосы, на пашне
Вдруг припомнил жизнь свою
Разом всю, как день вчерашний.

Вспомнил выжженный кювет,
Клок земли, в атаке взятый,
Весь как целый белый свет
Неохватный, непонятный.

Вспомнил молодость свою,
Как горящую ракету
В том бою, году, краю,
И ушел и сдал билеты.

*

Не в предвкушении удачи,
Не в ожидании беды,
Спал город, пригороды, дачи
И лесопарки и сады.
Всю ночь летали самолеты,
Всю ночь за лесом и бугром
Кипела в небесах работа,
Ворочался аэродром.
Там бонинги и каравеллы
И всех систем аэрофлот
Вытряхивали то и дело
Но трапам на землю народ.
Мы нынче паспех сияли дачу
И на сезон весь, как на грех,
Наш дом был, видно, обозначен
На картах штурманских на всех.
Над ним ревели все широты
Земного шарика всего,
Шли на посадку самолеты
Над крышей дома моего.
Мне не спалось. Не взял я книжек,
И я маршруты изучал
Каира, Токно, Парижа
По их прилету по ночам.
И забывал под этот грохот,
Почти что тридцать лет спустя,
Как «мессеры» твои, эпоха,
И «юнкерсы» твои свистят.

Мне грустно. Я мерз у костров без обиды
И верил — педаром копчу это небо,
И счастлив лишь тем, что я видывал виды,
И сыт не единым, как водится, хлебом.
Мне грустно. Но вновь не дано повториться
В сверкающем мире, что будет вовеки,
Ни плеском ребенка над синим корытцем,
Ни всплеском весла, полюбившего реки.
Не будет прозрачного утра в печали
И в радости, или в тревоге и грусти.
Уходят деревья в бескрайние дали,
Река уплывает в нездешнее устье.
Под облаком птица летит в беспредельность
И камень-валун в придорожной канаве
Плывет неподвижно в иной понедельник,
В иное столетье, без всяких заглавий.
Мне грустно, но черное спаяно с белым
И левое с правым, и мир симметричен.
И нету у жизни и смерти предела,
А времени ветер не знает различий.
Метет он незримый, по видимый взору,
Срываются звезды, восходят растенья.
Метет, а в какие там дали, просторы, —
Ни звука оттуда, ни эха, ни тени...

*

Что есть и мудрее и проще, —
Не в шутку твержу, а всерьез, —
Чем та подмосковная роща,
Семейство осин и берез,
Где я через пень да колоду
По тропке забытой брожу,
Рассвета холодную воду
Сквозь шум электрички цежу.
Разбужены вести до срока
И свежее новости те,
Что срочно принесит сорока
Кому-то на длинном хвосте.
С годами ясней замечаешь —
Не только из книг и газет —
О том, что на свете, узнаешь,
Не так уж он мал белый свет.
О чем замолчали березы?
И что знаменует она,
На небе встающая грозно,
Как зарево в роще, луна?..

Живет посредине столицы
В воскресный и праздничный день,
Как будто в светлице жар-птица,
Музыка моих деревень.
Мехи золотые и планки,
Малиновый звон и огонь
Гармошка, гармонья, тальянка,
Живет на асфальте гармонь.
И сыплет, как ветер, частушки,
Как новенькие пяточки.
И в мини-юбочках девчушки
Ломают свои каблучки.
Идут безоглядно вприсядку,
Шлепами и грудью трясут,
Как будто кирпичную кладку
На стройке какой-то ведут.
В крови это, видно, у наших.
И что там, откуда взялось?
Уж пляшут — так, стало быть, пляшут,
Размах и веселая злость,
Слова озорные без точек,
Все полностью в каждой строке.
Над лицами белый платочек,
Как птица, порхает в руке.
И вроде бы все горожане,
Но, свой не скрывая исход,
У новеньких каменных зданий
Гармошка в столице поет.

Две картинки Ленинграда

1

Предрассветный час утра
Полон сосредоточенья
И жемчужного свеченья
Матового серебра
Окон, площадей, оград,
Дождь качающих деревьев.
Чайки над Невой нарят,
Белые роняя перья.
В зеркалах промытых крыш
Небо медленно светлест,
В узких каменных аллеях
Сумрак, неподвижность, тишь.
Город, словно полотно,
Вымысел тебе па память,
Неподвижное кино
В пять утра в оконной раме.

2

Дождь над городом стучал
В маленькие барабаны,
Веселился и крепчал
Дождь, как праздник долгожданный.
Только было до него
Здесь кому какое дело,
Был не другом, не врагом
Дождь в означенных пределах.
Просто говорил — дождь.

Удостоверились в этом.
Ну а дождь, как плеск ладош,
Всело летел по лету.
Шел, не думая о том,
Что внизу, о нем не зная,
С белым водяным зонтом
Шла машина поливная.

Романтики двадцатого столетья,
Не на бортах крылатых каравелл,
Не на коне с клинком, где гром и ветер,
А в нашем дне за этот день в ответе,
Завиден и прекрасен ваш удел.
Во имя правды не страшась обиды,
Не думая о славе и чинах
Вы от Тавриды и до Антарктиды
Повсюду на нетореных путях.
За формулами вашего расчета,
Бессонными почками рождена,
Звепит дорога звездного полета
Могучим ревом дюз потрясена.
Где ложь, прикрывшись фазой демагога
Грозится: не сносить вам голозы,
Прокладывая истинне дорогу,
Не дрогнете, не покачетесь вы.
Романтики двадцатого столетья,
Я душу грел у вашего огня
И не было отрадисе на свете,
Чем этот жаркий трудный пламень дня.

Узнал я, право где и лево,
Где бог, а также где порог.
И цену пороху и хлебу
Давно усвоил назубок.

Но не пошла мне впрок наука
И грустный не помог урок,
Я принимал врага за друга
И ошибался сколько мог.

Ни перед кем не виноватый,
Не сват кому-то и не брат,
С корявым рылом бородатый
Опять в калашный лезу ряд.

Зачем? Не знаю сам ответа.
Иду потрепан, бит и мят.
Такая выпала планета,
А ей ведь в зубы не глядят.

Поезда уходят в лето,
 Покидая города.
 Вот и я возьму уеду,
 Сам не ведая куда.

Белый свет и полдень белый,
 Из окошка борода,
 И кому какое дело,
 Я откуда и куда.

Как пластинка патефона
 За окном кружит земля,
 Луг в цветочках, лес зеленый,
 В рыжем золоте поля.

Близкий край назад стремится,
 Дальний край вперед плывет.
 Солнце светит, дождь струится,
 День за ночью настает.

Люди входят и выходят,
 Появляются в пути —
 Рассуждают о погоде,
 Просят чаю принести.

Чай качается в стакане,
 Сигарета в кулаке.
 Никому мѳ молчанье
 Не мешает в сутолке.

Никому. И слава богу.
Едут все, и едешь ты,
И грохочет путь-дорога
От версты и до версты.

Содержание

Зарницы

Ровесникам	7
«Всю почь за лесом где-то шла гроза...»	9
«Мы говорим, задумываясь редко...»	11
«Что было, то было. И все же...» . .	12
«Стоят в европейских державах неблизких...»	13
Воспоминание о тыле	14
«Здравствуй, юность танкистская!..»	16
«В дождь к параду готовится ночью Москва...»	17
«В ранней юности, в дальней были...»	18
«Я ее вспоминаю снова...»	19
«Копь плакал. Падала звезда...» . . .	21
На ученью	22

Белое озеро

Вступление к сказке	25
На севере	27
«За рекой-рекою в зареке...»	29
Белозерск	30
Старая фреска	31
Монолог воина с поля Куликова . .	33
На Белом озере	34
«Живым поверка. Павшим слава...»	36

Кружевницам	37
Пейзаж	38
«Бывает так: уже пришла весна...»	39
«Болото, да лес, да озера...»	40

Высокий день

«Сто лет прошло всего, а не века...»	43
Твоя судьба	45
Веспой	46
«Весна...»	47
«Что в мире слаще истии прописных?...»	49
«Кто же не знает и кто не видал...»	50
«В книгу судеб не внесена...»	51
Икар и Дедал	52
«Ах, этот протопоп опальный...»	54
Сарьяп	56
«Весь шар земной устал от той политики...»	58
«Идея. Правда. Мысль или Мечта...»	60
Ласточка в Махачкала	62
Раковина залива Ха Лонг	63
Стихи о дальней дороге	64
«В каменной, стальной глуши...»	66
«Не в предвкушении удачи...»	67
«Мне грустно. Я мерз у костров без обиды...»	68
«Что есть и мудрее и проще...»	69
«Живет посредине столицы...»	70
Две картинки Ленинграда	71
«Романтики двадцатого столетия...»	73
«Узнал я, право где и лево...»	74
«Посзда уходят в лето...»	75

Сергей Сергеевич Орлов
ВЕРНОСТЬ
Стихи

Редактор **А. Целищев**
Художник **В. Сальников**
Художественный редактор **Е. Носкова**
Технические редакторы **И. Подшебякин**
и **В. Никифорова**
Корректоры **Л. Антонова, И. Музыченко**

Сдано в набор 15/II-1973 г.
Подписано к печати 5/IV-1973 г. АО8081,
Формат бум. 70×90¹/₃₂
Бумага офсетн.
Печ. л. 2,5. Усл. печ. л. 2,93. Уч.-изд. л. 2,16
Тираж 25000 экз.
Заказ № 2653 Цена 36 коп.

Издательство «Современник»
Государственного комитета Совета
Министров РСФСР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли РСФСР
и Союза писателей РСФСР
121351, Москва, Г-351, Ярецевская, 4

г. Рязань, ул Новая, 69
Рязанская областная типография

Дорогой читатель!

Просим Вас свои отзывы о книге,
ее содержании, художественном
оформлении и полиграфическом
исполнении направлять по адресу:
121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4
Издательство «Современник»

Книга новых стихотворений сложилась из написанного в течение трех лет, после издания двухтомника избранных стихотворений в Гослитиздате. Новая книга невелика — всего два печатных листа, но в ней три раздела: Зарницы, Белое озеро, Высокий день. Белое озеро — это моя родина, Вологодчина, Заволочье. В поэзии можно путешествовать в двух главных измерениях — времени и пространстве одновременно. С годами все больше начинаешь предпочитать, как стихотворец, первое измерение, это сказалось в новой книге, со стихами которой я выхожу на суд читателя. Говорить о своих стихах трудно, да и не стоит, мне кажется, я сказал в них все, что хотел.

Сергей Орлов